

20*

Ри
20175

Ил. (Удобн 95
Том 001
801-13
2154

ПРОИЗВОЛЬНОЕ СУМАСШЕСТВИЕ

20 $\frac{10}{96}$

И

МОДНОЕ САМООТРАВЛЕНИЕ.

Три слова преосвященного Иннокентія
митр. Белогрив (Удобн 95
старобрядческаго епископа Нижегородскаго и Костромскаго, сказанныя 3-го августа 1903 года.

1870-1942

Иннокентий (Удобн 95)
1870-1942
митр. Белогрив
старобрядческаго епископа
Нижегородскаго и Костромскаго

2115A

3640-13

2012365728

20 10/96

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

3670-13

Онъ въ новолунія бѣснуется, и тяжело страдаетъ; ибо часто бросается въ огонь и часто въ воду.

Ме. XVII, 15.

Гдѣ ни схватываетъ его, (бѣсъ) повергаетъ на землю, и онъ испускаетъ пѣну, и скрежещетъ зубами своими, и цѣпнѣть.

Мрк. IX, 18.

Сей родъ не можетъ выйти иначе, какъ отъ молитвы и поста.

Мрк. IX, 29.

Слово первое.

Много на свѣтѣ людей несчастныхъ и жалкихъ, много страдающихъ и погибающихъ, но несчастіе и страшіе всѣхъ состояніе бѣснующихся. Это прямо—олицетвореніе страданія и ужаса. Въ евангеліи есть много повѣствованій о такихъ несчастныхъ. Объ одномъ изъ нихъ разсказывается въ нынѣ читанномъ евангеліи (Мате. зач. 72). Какъ онъ бѣдный страдалъ! Въ новолунія онъ страшно бѣсновался: приходилъ въ изступленіе, падалъ на землю безъ чувствъ, какъ бы мертвый, скрежеталъ зубами, испуская пѣну; дѣволъ до того овладѣлъ имъ, что гдѣ, ни схватывалъ его повергалъ на землю, а часто бросалъ даже въ огонь или въ воду, чтобы погубить его. Нѣкоторые изъ бѣснующихся бросаются на людей, обнажаются, изрыгаютъ такія мерзости и богохульства, что волосы дыбомъ становятся. Словомъ—нѣтъ твари страшнѣе и несчастнѣе ихъ. Имъ подобны развѣ только помѣшанные, или сумасшедшіе. Разница между ними въ томъ только, что первые бываютъ внѣ ума по нападенію демона, а послѣдніе—отъ болѣзни мозга или другихъ частей тѣла. Но состояніе тѣхъ и другихъ по истинѣ ужасно. Одна мысль о возможности стать такимъ приводитъ въ содроганіе всякаго. И что особенно страшно, такъ это то, что ередствъ противъ этихъ недуговъ наукою не найдено, указанный же Спасителемъ способъ—молитву и постъ для отгнанія демона (Мар.

зач. 40) люди нынѣ не хотятъ примѣнять. А поэтому весьма рѣдко освобождаются какъ отъ помѣшательства, такъ и отъ бѣснованія.

Что же сами люди изобрѣли въ этомъ отношеніи? Они изобрѣли множество различныхъ одуряющихъ ядовъ, отъ которыхъ можно сдѣлать во всякое время не только сумасшедшимъ, но прямо-таки бѣснующимся. Что если бы вамъ кто-либо предложилъ выпить такого яду, отъ котораго вы сошли бы съ ума, хотя въ нѣкоторой степени и хотя бы на непродолжительное время? Вы, думаю, съ ужасомъ отскочили бы отъ такого человѣка, или съ негодованіемъ прогнали бы его отъ себя: кажется ни за какіе миллионы человѣкъ не согласится пить ядъ, неизбежно дѣлающій его сумасшедшимъ. Въ дѣйствительности же есть люди (не хочется вѣрить, а есть люди) и ихъ очень много, которые сами платятъ деньги за ядъ и пьютъ его для того, чтобы сдѣлаться сумасшедшими или бѣснующимися, хотя на нѣкоторое время. Такой ядъ, какъ я уже сказалъ, не одинъ, а множество, но дѣйствіе ихъ неизмѣнно одно: они дѣлаютъ людей умалишенными. Эти одуряющіе яды извѣстны подъ названіемъ спиртныхъ напитковъ, табака, опиума и т. под. А сдѣлавшихся отъ нихъ помѣшанными обыкновенно называютъ пьяными. Но справедливо ихъ слѣдовало бы называть сумасшедшими или бѣснующимися. Св. Златоустъ пьянство такъ и называетъ произвольнымъ бѣсомъ, и совершенно основательно и справедливо. Стоить только хотя не много но здраво вникнуть въ дѣло, чтобы воочію убѣдиться, что пьянство есть не иное что, какъ произвольное, хотя и временное сумасшествіе или бѣшенство. Бѣшенный и сумасшедшій городитъ всякую дичь, извергаетъ сквернословіе и богохульства,—и пьяный то же; бѣшенный скрежещетъ зубами—и пьяный такъ же; бѣшенный и сумасшедшій часто терзаютъ себя и кидаются на всѣхъ—то же самое и пьяный; бѣшенный и сумасшедшій бросаешь и бѣшь, что попадется—то же самое дѣлаетъ и пьяный; бѣшенный и сумасшедшій часто совершаютъ страшныя преступленія—и пьяный не меньше ихъ, У бѣшенныхъ и сумасшедшихъ здоровье разстроено и душевныя способности поражены, хотя они и не сознаютъ этого—и у пьяницъ точно такъ же. Бываютъ сумасшедшіе очень смиренныя, молчаливыя, робкія: какъ-разъ такія же бываютъ и пьяныя; бѣшенные и сумасшедшіе часто кончаютъ жизнь самоубійствами: Не

рѣже ихъ и пьяныя. Словомъ, сравненіе бѣшеннаго и сумасшедшаго съ пьянымъ можно вести безъ конца, и нельзя найти почти ни какой разницы.

Чтобы понять, отчего такое разительное сходство у пьяныхъ съ бѣсноватыми, или сумасшедшими, нужно прежде уяснить, какая разница между такъ называемыми нормальными, находящимися въ здоровомъ умѣ людьми, и бѣсноватыми или помѣшанными. Разница между ними въ томъ только, что первые могутъ сдерживать себя, управлять своими мыслями, словами и поступками, а послѣдніе нѣтъ. Послѣдите вы внимательно за собою, за своими мыслями, словами и поступками. Какая вамъ дурь лезетъ въ голову почти постоянно. Если бы высказывать и дѣлать все то, что приходитъ на умъ, то и были бы сумасшедшими. Но Богъ далъ намъ благодать и способность сдерживать себя, не высказывать всего того, что приходитъ на умъ часто противъ воли, а говорить лишь то, что хочешь. Когда же человѣкъ лишается ума, тогда онъ не можетъ сдерживать своихъ мыслей и поступковъ, а потому и говорить все, что взбрѣдетъ ему на умъ. Подобно этому и человѣкъ, напившійся до пьяна теряетъ даръ Божій сдерживать свои мысли и поступки, управлять ими, какъ слѣдуетъ, а потому и говорить и дѣлаетъ все, что только придетъ въ его одурманенную голову.

Если кто обидится, что мы пьянаго уподобляемъ бѣснующемуся, тотъ пусть послушаетъ объ этомъ святаго Златоуста, уста котораго суть Христовы уста. Онъ вотъ что говоритъ: «Пьянство есть добровольное неистовство, утрата разсудка; пьянство есть несчастіе, надъ которымъ смѣются, болѣзнь, надъ которою надѣваются, произвольное бѣснованіе; оно хуже умопомѣшательства. Хочешь ли знать, какъ пьяный бываетъ хуже и бѣсноватаго? Бѣсноватаго всѣ мы жалѣемъ, а отъ этого отвращаемся; тому сострадаемъ, а на этого гнѣваемся и негодуемъ. Почему? Потому что у того болѣзнь отъ дьявольской напасти, а у этого отъ безпечности; у того отъ козней враговъ, а у этого отъ козней собственныхныхъ помысловъ. Но терпитъ пьяный то же самое, что и бѣсноватый: такъ же кружится, такъ же приходитъ въ изступленіе, такъ же падаетъ, такъ же извращаетъ глазныя зрачки, такъ же трясется лежа на землѣ, испускаетъ изо рта пѣну и такимъ образомъ изливаетъ не чистую»

слону, и уста его наполняются невыносимым зловоніемъ» (твор. его том. 2, слово противъ упивающихся). Итакъ, Богъ устами своего угодника, великаго святителя, вѣщаетъ, что пьяницы хуже бѣснующихся, и это безпрекословно справедливо. Бѣснующійся или сумасшедшій когда скончается, то по немъ дозволяется совершать погребеніе, если онъ раньше былъ на покаяніи. Если онъ вѣдѣетъ ума даже руки на себя наложить, и то правила святыхъ отецъ не возбраняютъ пѣть по немъ погребеніе. А когда умереть кто въ пьяномъ состояніи, то по немъ погребеніе обыкновенно не совершаютъ, какъ по вольномъ самоубійцѣ. «Рече бо великій апостолъ Павелъ,—читаемъ въ прологѣ,—яко пьяницы не наследуютъ царства небеснаго, но уготована имъ мука вѣчная съ разбойники и съ татями и съ прелюбодѣи... Безъ Божія бо суда вскорѣ пьяницы умираютъ, яко и удавленницы. Аще кто въ пьянствѣ умретъ, то самъ себѣ врагъ и убійца и приношеніе (на литургіи) по немъ ненависть Богу» (прол. 7 стр.) Умершаго отъ пьянства даже народный обычай не дозволяетъ класть на общихъ кладбищахъ: его зарываютъ какъ скотину, какъ свинью или собаку безъ погребенія, безъ поминовенія и безъ пѣнія.

И, если бы пьяницы во всемъ были подобны скотинѣ, это было бы для нихъ счастье. Ибо скотина не будетъ отвѣчать предъ Богомъ за свои поступки: ей не предстоитъ вѣчная мука. А пьяницу ожидаетъ грозный неумолимый судъ, ужасающія муки, огонь вѣчный, плачь и скрежетъ зубовъ. Пьяница до того омерзительнъ, что святой апостолъ Павелъ запрещаетъ даже ѣсть вмѣстѣ съ нимъ (1 кор. зач. 134), и заповѣдуетъ: «Не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ (офес. зач. 229). «Пьяницы царствія Божія не наследуютъ» (1, кор. зач. 134).

Вредъ для души отъ пьянства не возможно и выразить человѣческимъ языкомъ: пьяница хуже всякаго преступника и злодѣя. Всякій преступникъ обыкновенно совершаетъ одно какое-либо преступленіе, а пьяница всѣ, если представится возможность. И убійство, и воровство, и мошенничество, и всякія грязныя дѣла совершаются почти всегда въ пьяномъ видѣ. Распросите вы, отчего появились и постоянно увеличиваются босяки, жулики, бродяги, проститутки и имъ подобное отребье общества? Что ихъ загнало

на этотъ омерзительный и странный путь и что заставляетъ по нему идти?—Отвѣтъ одинъ: горькая чаша.

Пьянство горше всѣхъ преступленій и потому еще, что всякій другой преступникъ, напрімѣръ воръ, или мошенникъ, если за свои злодѣянія и пойдетъ въ адъ, то по крайней мѣрѣ на этомъ свѣтѣ получилъ за нихъ какую-нибудь пользу; а пьяница самъ тратитъ деньги для того, чтобы пойти въ адъ. Пьянство есть такъ сказать входный билетъ въ геену огненную. Что за безуміе—за свои трудовыя деньги покупать себѣ вѣчную муку.

Но если пьянство больше всѣхъ преступленій, то почему за него не наказываютъ, не ссылаютъ въ ссылку, не сажаютъ въ тюрьму? — Да просто потому, что пьяницы, и находясь на волѣ, терпятъ такія же и даже большія наказанія, какія терпятъ арестанты, «ссыланные и каторжники. Пьяницъ такъ же презираютъ, избѣгаютъ и бьютъ; отъ нихъ такъ же всѣ сторонятся; они такъ же терпятъ голодъ, холодъ и всякія нужды и болѣзни. Но быть можетъ пьяницу утѣшаютъ семейныя радости?—Это смѣшно даже и думать. Для пьяницы существуютъ однѣ лишь семейныя горести: жена его и дѣти постоянно плачутъ, голодныя и избитыя; у него съ ними непримиримая вражда, вѣчныя ссоры и драки, постоянныя скандалы и побой. Онъ врагъ своему семейству—жестокій тиранъ, мучитель для него. Онъ всѣхъ клянетъ и его всѣ проклинаютъ. Вся его жизнь—сплошная ненависть, злоба и вражда ко всѣмъ и ко всему, кромѣ водки. Внутреннія мученія совѣсти, постоянныя несчастія и неудачи во всемъ сопровождаютъ его всю жизнь, до самаго гроба. Для чего же его наказывать ссылкой, или заключеніемъ въ тюрьму? Это для него было бы не наказаніемъ, а облегченіемъ его страданій и несчастій. И дѣйствительно, въ настоящее время многіе изъ жалости къ пьяницамъ строятъ для нихъ особыя мѣста заключеній (дѣтѣнницы для алкоголиковъ), дабы облегчить ихъ страданія и отучить отъ пьянства.

Что дѣйствительно пьянство есть причина почти всѣхъ золь и грѣховъ, въ доказательство этого можно указать на повѣсть, помѣщенную въ «Патерикѣ». Тамъ разсказывается, что дьяволъ сильно искусалъ одного подвижника, великаго угодника Божія—соблазнялъ сдѣлать какой-либо грѣхъ. Наконецъ, когда никакъ не могъ сму-

тить его скрыто, невидимо, явился ему видимым образом и сказал: если хочешь, чтобы я тебя больше не смущал, а оставить в покоѣ,—сдѣлай одинъ грѣхъ изъ слѣдующихъ трехъ: или убей человѣка, или сотвори блудъ, или напейся допьяна. Сказавъ это, дьяволъ исчезъ. Пустынный сталъ думать, какой грѣхъ легче. Убить человѣка, это и подумать страшно,—разсуждалъ онъ,—блудъ сотворить это величайшій грѣхъ, особенно для инока; а вотъ напиться до пьяна. тутъ, кажется, ничего нѣтъ страшнаго и грѣховнаго: напьюсь, проспуюсь, и больше ничего. Такъ и сдѣлалъ: пошелъ въ городъ, зашелъ въ корчму, взявъ вина, напился до опьянѣнія. Случилось, что тутъ была женщина легкаго поведения, и разгоряченный виномъ, потерявшій совѣсть и рассудокъ, монахъ палъ съ нею. Какъ разъ въ это время явился мужъ этой женщины, завязалась драка и пустынный убилъ своего соперника. Не ясно ли, что пьянство больше всѣхъ грѣховъ. Пьянство преступнѣе даже жертвоприношенія идоламъ. Пьяница живетъ [на радость дьяволу; онъ хуже поганаго. Послушайте, что объ этомъ пишется въ прологѣ: «Ангелу хранителю плачущу пьянства ради, бѣсомъ же веселящимся и радующимся о пьяницахъ, и приносятъ къ дьяволу жертву пьянственную, и дьяволъ радуясь глаголетъ, яко николи же тако веселюся и радуюся о жертвѣ поганыхъ человѣкъ, яко же убо опьяныхъ христіанѣхъ: въ пьяницахъ бо вся воля моя; лучше погани пьяницъ, яко и поганыхъ Богъ снабдитъ, а пьяницъ ненавидитъ и гнушается, яко пьяніи мои суть, а трезвіи Божіи. И сія изглаголавъ дьяволъ, рече бѣсомъ: идите и поучайте христіанъ на пьянство и на всю волю моего хотѣнія» (прол. апр. 7).

Много можно привести свидѣтельствъ отъ писанія о вредѣ и пагубѣ пьянства, но теперешніе люди еще слишкомъ грубы, чтобы убѣдиться писаніемъ. Свидѣтельства и авторитетъ докторовъ и разныхъ ученыхъ и неученыхъ изслѣдователей и писателей для нихъ убѣдительнѣе писанія. Основываясь на нихъ, многіе увѣрены и учатъ, что умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ будто бы полезно.

Но что такое «умѣренное употребленіе?»—Иной едва на ногахъ стоитъ, а говорить, что онъ умѣренно напился, и требуетъ, чтобы ему еще поднесли. Бываютъ случаи, что нѣкоторые не мо-

гутъ стоять на ногахъ отъ опьяненія, а лежа на землѣ просятъ, чтобы имъ дали въ ротъ спиртные напитки. Вотъ какова умѣренность пьяницъ!

Говорятъ, что нѣкоторые врачи дозволяютъ умѣренное употребленіе водки, въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Но если и такъ, то это доказываетъ лишь то, что ее нельзя пить иначе, какъ въ качествѣ лекарства, по предписанію врачей. Вѣдь врачи также прописываютъ въ извѣстныхъ болѣзняхъ употреблять въ опредѣленномъ количествѣ и мышьякъ, и сулему и многіе другіе яды. Однако было бы и нелѣпо и гибельно употреблять ихъ постоянно безъ совѣта врача. Никто и не употребляетъ.

Но если ужъ дѣло коснулось медицины или врачебной науки, то да будетъ извѣстно, что она прежде всего не знаетъ ни спиртныхъ напитковъ, ни пьянства, ни пьяницъ: она ихъ называетъ собственными ихъ именами: спиртные напитки—ядомъ алкоголемъ, пьянство—отравленіемъ, а пьяницъ—отравившимися алкоголемъ. Даже легкое опьяненіе она называетъ не иначе, какъ отравленіемъ. Отравленіе всякимъ ядомъ, въ томъ числѣ и спиртнымъ—алкоголемъ, она дѣлитъ на три степени: при первыхъ двухъ степеняхъ отравленія человѣкъ еще не умираетъ, а при третьей—умираетъ. При первыхъ двухъ—поражаются такіа части тѣла, что человѣкъ еще можетъ жить, а при послѣдней нѣтъ. Такъ первая степень отравленія спиртнымъ ядомъ—алкоголемъ, когда человѣкъ бываетъ, какъ говорятъ «навеселѣ», чувствуетъ бодрость, находится какъ бы въ возбужденномъ состояніи: въ это время у него бываетъ поражена задерживающая часть мозга. При дальнѣйшемъ отравленіи поражается двигательная часть мозга: человѣкъ не можетъ стоять на ногахъ и едва владѣетъ языкомъ; теряется совѣсть и мышленіе. При третьей степени отравленія поражается дыхательная часть: напившійся вмѣсто дыханія хрипитъ, теряетъ сознаніе, лишается всякаго чувства и умираетъ. Отсюда если не всѣ, отравляющіеся спиртнымъ ядомъ—алкоголемъ умираютъ, то потому только, что пьютъ его лишь до первой или до второй степени отравленія. Но если и другими ядами отравляться не далѣе второй степени, смерть также не послѣдуетъ.

По медицинской терминологіи, если кого угощаешь спиртными

напитками, не долженъ говорить, какъ обыкновенно говорятъ: «выпейте на здоровье», а: «отравитесь алкоголемъ для разстройства здоровья». Удивительно, какъ люди любятъ и умѣютъ себя обманывать! Отравленіе алѣйшимъ ядомъ—алкоголемъ называютъ просто «выпивкой». Зачѣмъ хитритъ? Называя вещь ея именемъ, гдѣ это нужно и полезно. А «выпивку» особенно полезно называть ея собственнымъ именемъ: «отравленіемъ». Такъ и говорите: вмѣсто «не угодно-ли выпить»,—«не угодно-ли отравиться»; или вмѣсто: «давайте выпьемъ на здоровье»,—«давайте отравимся для потери здоровья и лишена ума и совѣсти». Этимъ вы отравите многихъ отъ губительнаго самоотравленія однимъ изъ ужаснѣйшихъ ядовъ, какіе только могло изобреѣсти развращенное человѣчество на пагубу себѣ.

Съ церковной же точки зрѣнія спиртные напитки и имъ подобныя яды хуже всякаго яда, хуже мышьяка и сулемы. Отравившійся этими ядами нечаянно или съ намбрениемъ, можетъ еще передъ смертію покаяться, такъ какъ они не лишаютъ его ума; а умирающій отъ отравленія спиртнымъ ядомъ не можетъ покаяться, ибо умираетъ безъ памяти и чувствъ.

Въ виду, всего этого вовсе не слѣдуетъ употреблять спиртныхъ напитковъ, нибогда не слѣдуетъ отравляться этимъ ужаснымъ губительнымъ ядомъ ни въ какой степени.

Слово второе. ✓

Предыдущее слово я закончилъ наставленіемъ не употреблять спиртныхъ напитковъ ни въ какомъ количествѣ, потому что отъ умѣреннаго употребленія ихъ происходитъ и неумѣренное: всѣ пьяницы, даже самые отчаянные, начали съ умѣреннаго употребленія. А потому лучше вовсе не начинать ихъ пить, чтобы не стоять на пути пьяницъ.

Но противъ этого любители выпивки находятъ массу возраженій и оправданій, которыя мы и рассмотримъ.—Такъ, напримѣръ, говорятъ, будто умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ по-

лезно, потому что человѣкъ отъ этого дѣлается бодрѣе, чувствуетъ какъ бы прибавленіе силъ.— Но это одинъ только самообманъ, а силы нисколько не прибавляются отъ алкоголя, наоборотъ—выматываются послѣднія. Но почему же человѣкъ, когда выпьетъ, чувствуетъ себя бодрѣе, какъ будто силы у него вдвое прибавилось. Не увеличились ли въ самомъ дѣлѣ силы?— Нисколько! Чтобы понять это, нужно знать хотя немного устройство человѣческаго тѣла. Устройство его очень мудрое. Въ мозгу напримѣръ, есть различныя части, изъ которыхъ каждая завѣдуетъ извѣстнымъ тѣлеснымъ органомъ или отравленіемъ. Одна часть завѣдуетъ дыханіемъ, другая заставляетъ биться сердце, третья приводитъ въ дѣйствіе желудокъ, четвертая завѣдуетъ нашими движеніями и проч. Если я, напримѣръ, двигаю руками, ногами, или другими частями тѣла, то это дѣлаю посредствомъ извѣстной части мозга, называемой двигательной. Но есть такая часть мозга, которая задерживаетъ движенія нашихъ органовъ; она называется задерживающей. Если бы ея не было, то наши руки, ноги, голова и проч. двигались бы сами собою, и мы не могли бы ими владѣть или ихъ удерживать: силы наши тратились бы постоянно бесполезно. Когда человѣкъ выпьетъ немного водки, у него поражается задерживающая часть мозга, и онъ чувствуетъ, что силы у него какъ будто увеличились. На самомъ же дѣлѣ силы ничуть не увеличились, а лишь парализована, какъ бы умерщвлена, или усилена задерживающая часть мозга. Въ организмѣ она играетъ ту же роль, какъ регуляторъ въ машинѣ или маятникъ въ часахъ. Удалите изъ часовъ маятникъ, стрѣлки стануть двигаться быстро. Но прибавилось ли у нихъ силы?—Нѣтъ,—напротивъ, выматываются послѣднія, и часы остановятся преждевременно. Точно такъ же и у человѣка, отъ легкаго даже опьяненія поражается задерживающая часть мозга—этотъ регуляторъ его организма, у него выматываются послѣднія силы, изнашивается здоровье, и онъ преждевременно сходить въ могилу. Но по невѣжеству онъ думаетъ, что у него силы прибавляются. Несчастный самообманъ! Жалкое состояніе!

Отъ частаго же употребленія спиртныхъ напитковъ для пріаданія себѣ бодрости и силъ—«съ устатку», задерживающая часть мозга до того расслабываетъ, что у человѣка всѣ члены противъ

его воли сами двигаются—трясутся, въ особенности руки, какъ у отверженнаго Богомъ Каина. Вотъ бодрость и сила, приобретаемая пьянствомъ! Трясеніе тѣла—это печать отверженія Богомъ—неизмѣнный спутникъ выпивки. «Стѣна и трясѣйся будешь по земли»,—сказалъ Господь Каину. Приговоръ этотъ поразительно исполняется надъ любителями выпивки.

Многіе пьютъ, какъ говорятъ, со скуки—для веселья: если немного выпьешь, то почувствуешь себя веселѣе.—Но это опять только такъ кажется. Въ дѣйствительности же отъ выпивки веселѣе не стать, а только въ нѣкоторой степени заглушилъ въ себѣ стыдъ, совѣсть, умъ, разсудокъ и проч. словомъ—поглубилъ на нѣсколько градусовъ, да и думаетъ, что повеселѣлъ. Вѣдь извѣстно, что глупые, тупоумные, или идіоты всегда кажутся веселыми,—постоянно смѣются и именно потому, что они глупы: у нихъ нѣтъ полного разсудка, нѣтъ и настоящей радости. Веселье ихъ,—веселье животныхъ, веселье плоти, а не духа. Но они таковы отъ природы, а не по своей волѣ; пьющіе же и курящіе одуряющіе яды для веселья,—стремятся имъ уподобиться по своей доброй волѣ. Не есть ли это крайнее упомянутое—сознательно стараться быть идіотомъ—глупцомъ?

Истинный христіанинъ всегда долженъ быть веселымъ и радостнымъ. «Веселитесь о Господѣ и радуйтесь праведніи»—взываетъ псаломщикъ (псал.). «Всегда радуйтесь»—наставляетъ святой апостолъ Павелъ (Фессал. зач. 273). «Радуйтесь о Господѣ и паки реку: радуйтесь» (Филип. зач. 247). Только «радость (эта) бываетъ не отъ пьянства,—свидѣтельствуетъ святой Златоустъ,—но отъ духовной молитвы, не отъ вина, но отъ назидательнаго слова. Вино производитъ бурю. а слово тишину; вино причиняетъ шумъ, а слово прекращаетъ смятеніе; вино помрачаетъ умъ, а слово просвѣщаетъ и помраченный; вино вселяетъ скорби, которыхъ не было, а слово отгоняетъ и тѣ, которыя были» (твор. его т. 1, стр. 760). Если же христіанинъ вмѣсто радости чувствуетъ тоску, досаду, печаль и т. под., то это просто потому, что онъ живетъ не согласно съ закономъ Божиимъ, не имѣетъ любви къ Богу и ближнему, и такимъ образомъ отгоняетъ отъ себя благодать Божию, отъ которой только и можетъ быть истинная духовная радость. Преступная заповѣди Божіи, человекъ чувствуетъ укору и мученіа:

совѣсти за это. А при такомъ мученіи, понятно, не можетъ быть радости, а лишь одна тоска и печаль. И вотъ чтобы заглушить эти мученія совѣсти, человекъ и пьетъ одуряющіе умъ и помрачающіе совѣсть яды: отравившись ими, сдѣлавшись сумасшедшимъ, онъ, жалкій, думаетъ, что приобрѣлъ веселье, радость. Но отъ такого веселья избави Господи всякаго! Такого веселья нужно избѣгать, какъ ложнаго, обманнаго, преступнаго. Поддѣльное веселье—веселье, отъ пьянства неизбѣжно наказывается, какъ и всякій подлогъ, какъ очевидное преступленіе противъ законовъ Божіихъ: какую чувствовалъ повидимому радость, такую же и еще большую будешь ощущать послѣдъ печаль—невыносимую болѣзнь души и тѣла; всѣ знаютъ, какъ несчастные пьяницы мучаются послѣ выпивки при отрезвленіи—«съ похмѣлья»: голова трещитъ отъ боли, на душѣ чувствуется страшная тоска, какая-то язучая боль. Но за это свое великое страданіе пьяницы получаютъ, разумѣется, не царствіе Божіе, а вѣчную муку. Ихъ здѣшнія мученія—несомнѣнные предвѣстники адскихъ мукъ. Ихъ страданіямъ, безъ сомнѣнія, радуется самъ сатана. Таково веселье пьяницы: такова ихъ радость!

Боли «съ похмѣлья» у пьяницы бываютъ отъ того, что у него разрушается нѣкоторая часть нервовъ и мозга, какъ бы гниѣть. Отъ частаго же отравленія спиртными напитками у пьющихъ мозгъ настолько повреждается, что они дѣлаютъ прямо помѣшанными. Это помѣшательство извѣстно подъ именемъ бѣлой горячки; тогда имъ представляются различныя привидѣнія, и непременно демоны. Они тогда всего боятся, предъ всѣми дрожатъ и струсуютъ. Все это необходимо помнить любящимъ выпить для смѣлости: какова смѣлость отъ выпивки и къ чему она приводитъ! Смѣлость отъ пьянства не есть храбрость, а безстыдное нахальство, демонская наглость и дерзость.

Многіе убѣждены и говорятъ, что пить по стаканчику передъ обѣдомъ и ужиномъ очень полезно.—Чѣмъ же полезно? для чего пить предъ принятіемъ пищи?—А для возбужденія аппетита,—говорятъ.—И какъ не стыдно это говорить!? Пьешь водку для того, чтобы побольше съѣсть! Да развѣ ты свинья, чтобы только жрать и жрать до послѣдней степени возможности? Да и свинья довольствуется только естественнымъ аппетитомъ и никогда не возбу-

ждает его искусственно. А ты человекъ, созданный по образу и по подобию Божію; ты христіанинъ, освященный кровію и благодатию Христовою, зачѣмъ же ты ставишь себя ниже скота не смысленнаго?! Пьяный дѣйствительно «противнѣе самыхъ безсловесныхъ,—по словамъ святаго Златоуста.—Безсловесныя животныя пьютъ дотолѣ, пока чувствуютъ жажду, и ограничиваютъ пожеланіе потребностію, а этотъ по неводержанію своему по желанію простираетъ далѣе потребности и становится безразсуднѣе безсловесныхъ (твор. его т. 2, сл. прот. упивающихся). И подлинно не гораздо ли лучше такихъ людей оселъ? не гораздо ли лучше песь? Каждое изъ этихъ животныхъ, какъ и всѣ вообще животныя, ѣдятъ ли, пьютъ ли, знаютъ предѣлы довольства и не простираются далѣе потребности. И хотя бы тысячи человекъ принуждали ихъ, никогда не дадутъ себѣ дойти до неумѣренности. И такъ, вы хуже безсловесныхъ» (т. VII, бес. 57). «Гдѣ пьянство, тамъ и дьяволъ; гдѣ срамословіе и пресыщеніе, тамъ ликуютъ демоны» (тамъ же бес. 90). Не глупо ли, не преступно ли, не только ѣсть до объяденія, но еще возбуждать аппетитъ искусственно—отравой, чтобы объѣдаться сверхъ объяденія? Ты долженъ ѣсть для того только, чтобы жить, а не жить для того только, чтобы ѣсть. «Блюдите, да не отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пьянствомъ»,—заповѣдалъ Спаситель (лук. зач. 141). А ты блюдешъ затѣмъ, чтобы постоянно объѣдаться и опиваться. Не преступленіе ли это заповѣди Божіей? Объяденіе, восприсненное евангеліемъ, ты стараешься усилить выпивкой: одно преступленіе усиливаешь и увеличиваешь другимъ, да еще оправдываешься этимъ. Но говорятъ: я пью не для объяденія, а потому, что не чувствую аппетита—ѣсть не хочется.—Но если не хочешь ѣсть, такъ и не ѣшь, пока захочешь. Если не хочешь ѣсть, значить твой желудокъ не требуетъ пищи, требуетъ отдыха; дай же ему отдохнуть, не заставляй работать черезъ силу, не подрывай его; иначе разстроишь, повредишь его, и неминуемо получишь какую нибудь болѣзнь, можетъ быть неизлѣчимую.

Не мѣшаетъ пояснить еще, почему отъ водки и вообще отъ спиртныхъ напитковъ является аппетитъ. Да просто потому, что они—ядъ. Всякій почти ядъ, если его принять въ небольшомъ

количествѣ, вызываетъ аппетитъ. Известно, что врачи для аппетита нѣкоторымъ больнымъ прописываютъ мышьякъ, или еще что нибудь подобное. Это дѣйствіе ядовъ возбуждать аппетитъ объясняется тѣмъ, что когда ядъ введенъ въ желудокъ, онъ его раздражаетъ, разѣдаетъ. Чтобы противодѣйствовать этому, чтобы предохранить себя отъ разрушенія, желудокъ выдѣляетъ въ обиліи количество пищеварительные соки. Отъ этого-то и является аппетитъ, когда проглотишь какого либо яду въ небольшомъ количествѣ. Но отъ ежедневнаго, и вообще періодическаго и частаго употребленія одного изъ такихъ ядовъ—алкоголя, или проще сказать водки, хотя бы и въ небольшомъ количествѣ, хотя бы только для аппетита, происходятъ такія страшныя послѣдствія, такой вредъ, какого многіе и не подозреваютъ. Отъ частаго раздраженія спиртнымъ ядомъ желудочныя желѣзы притупляются и не выдѣляютъ соковъ, въ необходимомъ для аппетита и пищеваренія количествѣ. Требуется увеличить приемъ этого яда: вмѣсто одного два стаканчика, а затѣмъ и они не будутъ производить дѣйствія потребуются три, четыре и такъ далѣе. Вскорѣ человекъ доходитъ до того, что требуетъ одной только водки, а ѣсть ничего не можетъ. Это всѣмъ известно подъ названіемъ запоя. Страждущій имъ пьетъ водку иногда по нѣсколько недѣль кряду, почти вовсе не употребляя пищи. Вотъ что значить пить по рюмочкѣ для аппетита! Вотъ какой аппетитъ получается!

Пьютъ водку еще для тепла, чтобы согрѣться въ холодную погоду. Но и въ этомъ случаѣ жестоко ошибаются, вмѣсто пользы получая вредъ. Съ перваго разу водка дѣйствительно какъ будто согрѣетъ, но потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, человекъ остываетъ болѣе того, чѣмъ если бы не пилъ. Отъ этого и замерзаютъ больше въ пьяномъ состояніи. Это видно изъ самой жизни, это подтверждается и научными изслѣдованіями.

— Почему же водка согрѣваетъ хотя на малое время?

— Да опять-таки потому, что она—ядъ, а вовсе не потому, что полезна. Когда въ живой организмъ введенъ какой-нибудь ядъ, природа старается удалить его—пока онъ находится еще въ желудкѣ,—посредствомъ рвоты, что пьющимъ хорошо известно; если же ядъ пошалъ въ кровь, организмъ стремится удалить

его, очистить от него кровь усиленным кровообращением. А так как кровь обращается от бienia сердца, то оно начинает биться очень сильно и очень часто. А от такого неестественно быстрого движения крови и ненормального бienia сердца и является в человеке теплота, конечно, неестественная и ненормальная, а потому и вредная. Вот почему от водки человек согрывается, пока этот яд находится в его крови. Но от усиленной работы сердце устаёт и требует отдыха. И вот, когда спиртный яд удалён из крови, оно начинает биться слабее и реже; а от этого тепло в человеке уменьшается, и он начинает зябнуть, холод действует на него сильнее, чем если бы он не пил.

При сильном же опьянении у человека притупляется вместе с прочими чувствами и осязание, так что он не чувствует холода и думает, что ему тепло. Оттого-то пьяные больше и замерзают.

Но хуже и ужаснее всего то, что от пьянства, как и от разврата, страдают не только сами предающиеся им, но и их ни в чем не повинные потомки: дети пьяниц почти всегда являются пьяницами, так как спиртный яд передан им родителями в крови; а внуки их обыкновенно бывают идиотами, уродами и калёками, от которых часто не бывает и потомства. Не поэтому-ли еще в ветхом завете Бог сказал, что он воздаёт добрым в тысячу родов, а злым только до третьего и четвертого рода, что в этих родах их потомство обыкновенно прекращается?

Не смотря на все зло и вред, происходящий от пьянства, оно постоянно усиливается и распространяется с поразжающей силой. Как нынче мало стало трезвых людей! Дошло дело до того, что дивятся, если кто вовсе не пьёт спиртных напитков, считают его за необыкновенного человека, чуть не за святого. Слѣдовало бы удивляться не тому, что не пьёт, а, что пьёт. Если бы стали удивляться, что человек здоров, не болѣет ни коростой, ни чахоткой, ни другой какой болѣзью,—это было бы очень печально: это значило бы, что все больны, что здоровый человек в диковинку. Так и в данном случае: если удивляются

не пьющим, значить они составляют редкость, значить почти все пьют. В древние времена в одной языческой стране пьянство считалось таким низким пороком, было таким редким явлением, что если попадался пьяный, то его водили по улицам напоказ, как что-то странное. А у нас приходится водить напоказ непьющих, как людей необычайных, не таких как все.

Плакать надо над теперешним состоянием христиан: они пали ниже язычников. Зло у них стало обычным явлением: Обычное поведение человека стало считаться редкой добродетелью. Если кто не отравляется никаким ядом, не ёст навоз и грязь, не пьёт керосину и дегтю, то разве это добродетель, разве это что-то необыкновенное? А у нас стало необычной добродетелью, если кто не пьёт спиртных напитков, которые хуже керосину и дегтю, страшнее всякого яду.

Да хорошо еще если относятся с удивлением и уважением к неьющим и некурющим. А то нынче многие презирают таких, как людей жалких, отсталых, неразвитых, ничего непонимающих. Это уже послѣдняя степень падения нравственности. Презирать хотя бы малую добродетель—это что-то нечеловеческое, а прямо таки демонское.

Зная все это, не отравляйте ни себя, ни других одуряющими ядами—спиртными напитками: не употребляйте их никогда и ни в каком количестве, в особенности же не угощайте ими никого. А то у нашего народа какая привычка угощать? «Пей, пей и пей», до тех пор, пока не опьянеет совершенно. Никогда этого не дѣлайте, не угощайте до опьянения, не превращайте своих домов в кабаки и имь подобныя заведения. Напротив, если к тебе пришёл гость, то прежде всего уговаривай его не пить вовсе спиртных напитков. Пусть твой дом будет домом трезвости, а не пьянства, чтобы в нем обитал Дух Святой, а не яликовали демоны. Если же вам кажется почему-то необходимым угощать своих гостей опьяняющими напитками, то не приставайте, чтобы они пили и пили до невозможности пить, а пригласите только раз отвѣдать, или два, и больше не позволяйте, хотя бы они и желали, так как, по словам книги «о вѣрѣ»,

первая чаша во здравіе, вторая въ веселіе, а третья въ безуміе. Не доводите же своего гостя до безумія. Если онъ самъ станетъ больше пить, остановите его, и скажите: здѣсь не кабакъ, а домъ христіанина; растолкуйте ему вредъ и пагубу пьянства. Тогда вмѣсто вреда онъ получитъ пользу, и вы также.

Если же кто насильно угощаетъ спиртными напитками, тре-буя, чтобы ты пилъ до опьяненія, бѣгай отъ такого, какъ отъ зараженнаго, даже хуже, чѣмъ отъ зараженнаго, а какъ отъ такого, который старается заразить тебя, какою либо неизлечимой и смертельной болѣзью, въ родѣ холеры или чумы. Пьянство даже хуже, несравненно хуже и страшнѣе этихъ ужасныхъ болѣзней. Онѣ убиваютъ только тѣло, а не душу. Пьянство же убиваетъ и то и другое: и тѣло и душу. Поэтому отъ него нужно бѣгать больше, чѣмъ отъ какой бы то ни было заразы: не ходите къ тому и въ домъ, кто старается напоить васъ до пьяна.

Знаю, что многие на это возразятъ: а какъ же въ писаніи и въ уставахъ церковныхъ разрѣшается употребленіе вина.—Но вѣдь разрѣшается пить не водку, а вино, то есть напитокъ взятый изъ винограда, а не тотъ, который люди искусственно, какъ бы насильно добываютъ изъ веществъ, ничего общаго съ виноградомъ не имѣющихъ. Притомъ вино, которое разрѣшается иногда употреблять, имѣетъ крѣпости обыкновенно только пять градусовъ. Да и то его святые отцы не употребляли цѣльнымъ, а всегда разбавляли на половину водой, такъ что въ немъ оставалось почти два градуса. А водка обыкновенная имѣетъ сорокъ градусовъ. Чтобы сдѣлать ее подходящей къ такому вину, требуется на одинъ стаканъ ея шестнадцать стакановъ воды, да еще нѣсколько частей сахаристыхъ сладкихъ веществъ. Но и тогда она мало будетъ подходить къ натуральному виноградному вину, такъ какъ въ ней всегда есть сивушное масло, сильный ядъ, образующійся отъ соединенія спирта съ водой, чего въ натуральномъ винѣ не бываетъ. Къ вину, которое церковные уставы разрѣшаютъ иногда употреблять скорѣе подходитъ нашъ квасъ, чѣмъ водка, ибо и онъ имѣетъ одинъ градусъ спирта. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ уставахъ древнерусской церкви, послѣ разрѣшенія употреблять въ извѣстные

дни немного вина, дѣлается такая оговорка. «А у насъ здѣ въ Русіи вина нѣсть; пьемъ квасъ».

Но и натуральное виноградное вино, имѣющее, какъ сказано, не много болѣе двухъ градусовъ, церковные уставы разрѣшаютъ пить не чрезъ мѣру, не болѣе какъ по двѣ небольшихъ чаши, и то только въ извѣстные дни. Если же кто позволяетъ себѣ употреблять его болѣе, то святые отцы, облачаютъ и преслѣдуютъ какъ преступное пьянство.

Слово третіе.

Прошлый разъ я показалъ, насколько страшна и гибельна страсть, насколько она вредна и преступна, насколько душепагубна и отвратительна—страсть пьянствовать. Но какъ ни гибельна, какъ ни постыдна эта страсть, однако есть страсть еще болѣе омерзительная, еще болѣе вредная. Я говорю о противоестественной привычкѣ многихъ помрачать свой умъ, заглушать свою совѣсть, одуряющимъ дымомъ ядовитыхъ растений, и именно табака. Что можетъ быть постыднѣе и грѣховнѣе этой отвратительной прихоти? Отравляясь спиртнымъ ядомъ, пьяница дѣлаетъ это, по крайней мѣрѣ, по естеству, то есть пьетъ, какъ естество научило человѣка пить воду. А курящій отравляетъ себя дымомъ, принимая его въ ротъ и внутренности. Да развѣ Богъ опредѣлилъ человѣку питаться дымомъ? Развѣ естественное дѣло—брать въ ротъ вонючій дымъ ядовитаго растенія, и глотать его или дышать имъ, отравляя себя?—Это противно естеству противно законамъ природы, а слѣдовательно и Богу, установившему эти законъ.

Куреніе табаку, какъ страсть противоестественная, ставитъ человѣка ниже скота несмысленнаго. Если, по свидѣтельству святаго Златоуста, пьяный хуже осла и пса за свое невоздержаніе, то тѣмъ болѣе куритель табака. Вѣдь пьяница не постоянно, не ежечасно отравляетъ себя: у него бывають времена отрезвленія, иногда продолжительныя. А табачникъ отравляетъ себя ежечасно, даже на часу нѣсколько разъ принимается курить; и ночью ему бѣдному нѣтъ покою: иной за ночь разъ десять встанетъ покурить. Для табачника нѣтъ ничего святого: ни поста, ни праздника, ни молитвы. Табакъ ему выше Бога: лишь только всталъ утромъ; онъ вмѣсто молитвы Богу принимается курить; и такъ дѣлаетъ, не взирая ни на постъ, ни на праздникъ. Если же онъ иногда и

удержит себя от курения, если и не покурить до литургии, то все богослужение только и думает о табаке; молитва ему и на ум не идет; вся душа его занята всецело мыслью о курении. Словом, табак для курильщика стал богомъ, какъ для идолопоклонника идолъ. Табакъ даже хуже идола. Идолъ не отравлялъ служащихъ ему, не одурялъ ихъ ума и совѣсти, а лишь отлучалъ отъ истиннаго Бога и ввергалъ въ погибель ихъ души. А табакъ и отлучаетъ отъ Бога, и ввергаетъ въ пропасть погибели, и одурманиваетъ умъ, и заглушаетъ совѣсть, и ставитъ человека ниже всякаго животнаго. Никакое животное не можетъ терпѣть дыму, въ особенности табачнаго: оно инстинктивно чувствуетъ его ядовитость и вредъ, и потому бѣжитъ отъ него.

Дѣйствительно, въ табакѣ есть сильный ядъ—никотинъ, который въ нѣсколько разъ сильнѣе мышьяку, сулемы и прочихъ ядовъ, исключая развѣ синильной кислоты. Но почему же курильщики не умираютъ сразу отъ такого яда?—Да потому, во-первыхъ, что никотину проглатывается ими не слишкомъ много—только до первой или второй степени отравленія; а во-вторыхъ—человѣческой организмъ борется съ этимъ ядомъ, и постепенно какъ бы привыкаетъ къ нему. Но эта борьба и привычка слишкомъ дорого оплачивается табачникомъ: отъ сильной борьбы и привычки дорого оплачивается яду организмъ его слишкомъ скоро живетъ—изнашивается, и онъ преждевременно низвергается въ могилу. Табачники не доживаютъ до своей естественной смерти, по крайней мѣрѣ, десяти лѣтъ, а то и болѣе. Дознано и доказано, что ни одинъ табачникъ не дожилъ до ста лѣтъ и до глубокой старости рѣдко кто изъ нихъ доживаетъ.

Почему же курятъ табакъ? Или онъ очень ужъ сладокъ и приятенъ?—Нѣтъ,—онъ горекъ и противенъ. Если кто закурить первый разъ, то является рвота, головокруженіе, дрожаніе тѣла, словомъ—все признаки отравленія. Да и у привычныхъ курильщиковъ куреніе вызываетъ не менѣе противныя и вредныя ощущенія: кашель, сердцебиеніе, нервныя и желудочныя расстройствя, дурной вкусъ во рту, въ особенности по утрамъ.—Для чего же послѣ этого курятъ табакъ?—А для одуренія ума и омраченія совѣсти.—Для чего же человѣку одурять свой умъ и омрачать совѣсть?—А для того, чтобы свободнѣе было дѣлать зло, или забыть уже сдѣланное, когда человѣкъ находится въ здоровомъ умѣ расеудокъ возвращаетъ ему дѣлать зло, преступать законъ Божій, угрожать плоти, обманывать ближнихъ, вообще—грѣшить. И вотъ люди ухитрились освободиться на время отъ укоровъ совѣсти или питьемъ ядовитыхъ жидкостей или куреніемъ ядовитыхъ растений. Кажется, достаточно было бы отравлять себя и одурять свой умъ и совѣсть спиртнымъ ядомъ. Зачѣмъ для этого

употреблять другой ядъ—табачный, болѣе противный и болѣе вредный?—А зачѣмъ, что употреблять спиртный ядъ не всегда удобно, а заглушать свою совѣсть человѣку грѣшному, творящему постоянно зло, требуется постоянно. Табакъ же для этой цѣли очень удобенъ: чуть только совѣсть стала укорять, закурилъ—и заглушить ее, хотя курильщики этого не хотятъ сознавать.

Удивительное дѣло! Вонючую, одуряющую и вредную гадость люди сдѣлали предметомъ своей необходимости, превративъ противоестественное употребленіе ея въ преступную страсть, и именно потому, что она отвратительна и вонюча, одуряетъ умъ и вредитъ здоровью. Многие дивятся и ропщутъ, зачѣмъ Ева преступила заповѣдь Божію, зачѣмъ ѡта отъ запрещеннаго плода?—Но тотъ плодъ, по крайней мѣрѣ, «красенъ бѣ и добръ въ снѣдъ», то есть красивъ на видъ и сладокъ на вкусъ. Но какавъ, спрашивается, красота въ табачномъ дымѣ? Какой въ немъ вкусъ? Взгляните вы здраво на курильщика, держащаго въ зубахъ что-то горящее, испускающаго изо рта и носа клубы снѣга ядовитаго дыма. Кого онъ напоминаетъ? на кого онъ похожъ? Видъ ему, право, не хватаетъ только роговъ и хвоста для полнаго эффекта, для совершеннаго сходства съ тѣмъ, съ кѣмъ ему, безъ сомнѣнія, придется по смерти раздѣлять свою несчастную участь, если не покается. А каковъ вкусъ въ табакѣ? Такой, что его не ѣсть никакой скотъ, даже самая прожорливая свинья; такой что во рту чувствуется, особенно по утрамъ, будто въ него наложено какой-то мерзости. Если Ева не получила извиненія за свой поступокъ, не смотря на то, что обольстилась красотой и вкусомъ запрещеннаго плода, то какое же прощеніе надѣются получить не имѣющіе и этихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ—табачники. Дьяволъ, какъ будто въ насмѣшку надъ родомъ человѣческимъ и для усугубленія вины, обольщаетъ людей отравлять себя не простымъ какимъ, а особенно гадкимъ ядомъ—табачнымъ дымомъ. Ядовитые грибы называются поганымъ за ихъ ядовитость, Отчего же табакъ не называть поганымъ? Видъ онъ неизмѣримо ядовитѣе, а потому и неизмѣримо поганѣе всякихъ грибовъ, обладающихъ этими качествами.

Удивительно и жалко! Что велитъ дѣлать Богъ, люди не исполняютъ, хотя бы оно было приятно и полезно во всехъ отношеніяхъ, а что угодно дьяволу, то съ поразительнымъ усердіемъ стараются дѣлать, хотя бы оно было и отвратительно и вредно. Что можетъ быть пріятнѣе чистоты ума и сердца, достигаемой воздержаніемъ, любовью и молитвою? И однако, многие ли заботятся объ этомъ? И наоборотъ, что можетъ быть мучительнѣе и вреднѣе одуренія своего ума, омраченія своей совѣсти и отравленія своего тѣла сквернымъ и ядовитымъ дымомъ? И однако очень

многіе страстно занимаются тѣмъ. И все потому, только, что первое пріятно Богу, а второе — дѣволу. Если бы ты приказалъ своему сыну ѣсть хлѣбъ, а твой врагъ предложилъ бы ему ѣсть грязь или навозъ, и твой сынъ сталъ бы дѣлать послѣднее. Не счелъ ли бы ты это за крайнее для себя оскорбленіе? не наказалъ бы ты его? Вотъ также и нашъ Отецъ небесный оскорбляется, если кто не исполняетъ его пріятныхъ заповѣдей, а творить волю его врага, хотя бы это было и вредно и омерзительно.

Не думаю, чтобы мое слово могло отучить пьяницъ отъ пьянства, а пристраившихся табачниковъ отъ куренія. Конечно, нѣтъ нравилъ безъ исключеній. Исцѣляются и бѣснующіеся. Но для этого требуется много труда. «Сей родъ ни чимъ же ни можетъ изгнати, токмо молитвою и постомъ» (Марк. замъ. 40). Дѣйствительно, привычнаго пьяницу и табачника также трудно излѣчить отъ пороковъ, какъ и исцѣлить бѣсноватаго. И это, безъ сомнѣнія, потому что эти грѣшныя пороки — пьянство и куреніе дѣлаются по внушенію дѣвола, какъ угодная ему жертва.

Врачебная наука трудность отстать отъ водки и табаку, объясняетъ тѣмъ, что у людей, употребляющихъ эти ядовитыя вещества, почти весь организмъ отравленъ. Если человѣкъ вскорѣ не умираетъ отъ этихъ ядовъ, то лишь потому, что его организмъ борется съ ними. А отъ этого онъ находится въ возбужденномъ состояніи, которое прерастаетъ, лишь только удаленъ изъ организма ядъ. Но тѣло человѣка въ силу привычки требуетъ новаго возбужденія, новаго пріема яда. Вотъ почему пьяницъ и курильщика трудно отстать отъ своихъ привычекъ.

Въ частности, табачный дымъ отравляетъ нервы, легкія, желудокъ, но главнымъ образомъ сердце. Въ медицинѣ табакъ и считается по преимуществу сердечнымъ ядомъ. Кровь отъ куренія загрязняется, грудь заваливается мокротами. Для здоровья человѣку необходимо дышать свѣжимъ воздухомъ, которымъ очищается кровь; дымъ для дыханія безусловно вреденъ, въ особенности ядовитый, каковъ и есть табачный. Попадая въ легкія, онъ не очищается, а заражаетъ кровь, заваливаетъ грудь мокротами, вредными для здоровья. Мокроты эти у курильщика не могутъ быть удалены изъ легкіихъ, такъ какъ табачный дымъ поражаетъ мерцательныя эпителии легкіихъ и горла. Мерцательныя эпителии — это какъ бы метелочки, которыми усѣяны легкія и горло и которыя очищаютъ наши легкія, какъ бы выметають изъ нихъ всякія мокроты и вообще все, что изъ посторонняго попадаетъ въ нихъ. Но отъ табачнаго дыма эти эпителии прекращаютъ свою дѣятельность, какъ бы обмирають. Отъ этого легкія заваливаются мокротами, никогда не очищаясь: человѣкъ чувствуетъ тяжесть въ груди и кашель. Но лишь

только онъ перестаетъ курить, мерцательныя эпителии, привыкшіе къ усилению табачнымъ ядомъ, снова требуютъ усиленія: является непреодолимый позывъ покурить. Если долго не курить, мерцательныя эпителии оживаютъ, начинаютъ свою дѣятельность, выгоняють мокроты изъ легкіихъ и появляется сильный кашель. Этому нужно бы радоваться, такъ какъ чрезъ нѣсколько времени легкія совершенно очистились бы, и человѣкъ освободился бы отъ многихъ болѣзней или предупредилъ бы ихъ. А курильщикъ по невѣжеству думаетъ, что у него появляется грудная болѣзнь, и опять начинаетъ курить, и опять умерщвляетъ мерцательныя эпителии и опять грудь наполняется нечистотами. Вотъ почему, говоря, трудно отстать отъ куренія пристраившемуся къ нему не смотря на очевидный вредъ этой глупой и скверной привычки.

Какъ бы то ни было, но безспорно, то что страсть куренія табаку гибельна душѣ, вредна тѣлу, омерзительна всѣмъ чувствамъ, противна природѣ, преступна предъ закономъ Божиимъ, и слѣдовательно, угодна дѣволу; къ ней весьма легко привыкнуть, но чрезвычайно трудно отвыкнуть.

Не даромъ же въ одной изъ старопечатныхъ книгъ (Книга «О вѣрѣ»), табакъ называется бѣсовскимъ, не потому, конечно, что его будто бѣсъ сотворилъ, а потому, что одурманиваніе себя имъ угодно бѣсамъ, и бесспорно при помощи ихъ овладѣваетъ человѣкомъ, такъ что люди имъ особенно «повредились и въ чувство прійти не хотятъ».

Я уже не говорю о томъ, сколько отъ куренія табаку бываетъ пожаровъ и сопряженныхъ съ ними бѣдствій, потому что знаю, что табачника этимъ не убѣдишь: для него хотя всѣ погибай, а онъ все-таки будетъ курить и курить. Если онъ своего здоровья и самой жизни не найдетъ ради поработившей его страсти, то о ближнихъ и говорить нечего. Ради нея онъ готовъ даже жертвовать спасеніемъ своей души. Не напрасно же ходитъ извѣстный анекдотъ, что табачникъ и въ рай не захотѣлъ идти потому, что тамъ табакъ нѣтъ, а въ адъ согласился идти потому, что онъ тамъ будто есть. Вотъ до чего сильна эта противоестественная страсть, даже по народному представленію.

Я знаю, что въ средѣ насъ, старообрядцевъ, не особенно много курящихъ, но тѣмъ не менѣе зло это замѣтно усиливается и увеличивается постоянно. А потому я и обличаю его, сознавая, что зло легче и разумнѣе пресѣчь вначалѣ, чѣмъ тогда, когда оно усилится, болѣзнь полезнѣе и цѣлесообразнѣе предупредить, чѣмъ лечить. Раньше, курящихъ изъ старообрядцевъ вовсе не было, такъ что курящій и старообрядецъ были такими же несомнѣнными понятіями, какъ холодный огонь, или горячій ледъ. Но те-

перь и у насъ куреніе стало явленіемъ чуть ни обычнымъ, особенно въ городахъ. Это очень жалко и печально. Если кто изъ не старообрядцевъ курить, это не такъ странно и преступно, потому что нигдѣ куреніе табаку не считается такимъ великимъ и позорнымъ преступленіемъ, какъ именно у насъ гдѣ оно пресѣдается церковными законами, наказывается духовными отцами и осуждается общественнымъ мнѣніемъ. Поэтому, если кто изъ старообрядцевъ курить, то значить онъ потерялъ и погралъ все святое и заветное для христіанина и человѣка, значить онъ не дорожить ни общественнымъ мнѣніемъ, ни наставленіемъ и наказаніемъ духовныхъ отцевъ, ни церковными законами и правилами, значить онъ потерялъ всякій стыдъ, совѣсть и страхъ Божій. А такой человѣкъ развѣ заслуживаетъ хотя какого-нибудь уваженія и довѣрія. «Вѣрный въ малѣ, и возможъ вѣренъ есть, а не вѣренъ въ малѣ, и во мнозѣ не вѣренъ есть» — изречла сама вѣчная Истинна (лук. заг. 81). Если онъ ради своей отвратительной и вредной прихоти, жертвуетъ всѣмъ своимъ духовнымъ достояніемъ: и Божественными законами, и стыдомъ и приличіемъ, — то на что же не рѣшится онъ для удовлетворенія такимъ своихъ страстей, которыя хотя еще болѣе омерзительны, вредны и преступны, но кажутся болѣе приятными. Изъ этого, конечно, бывають и исключенія. Но исключенія, какъ извѣстно, лишь подтверждаютъ законъ, а не разрушаютъ его.

Зная все это, избѣгайте отравлять себя одуряющими ядами. Если ты еще не отвѣдывалъ водки, или табаку, то и не отвѣдывай, пусть тебѣ не будетъ извѣстно это кажущееся, но преступное и вредное удовольствіе быть пьянымъ, одурѣлымъ, отравленнымъ. Старайся и другихъ предупреждать или отвращать отъ этихъ гибельныхъ страстей. Если же ты уже началъ предаваться имъ, то брось пока еще не поздно, пока они еще не овладѣли тобой совершенно, и пока еще не восхитила тебя смерть, послѣ которой нѣтъ покаянія и исправленія, нѣтъ и спасенія.

2012365728